

Людмила Сергеевна Циманович

*Соискатель кафедры славянских литератур филологического
факультета БГУ г. Минск, Республика Беларусь*

ПЕТР II ПЕТРОВИЧ-НЕГОШ КАК КУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Резюме

В данной статье рассматриваются взгляды великого сербского поэта и правителя Черногории Петра II Петровича Негоша на борьбу славянских народов за независимость, а также на роль России как мощного суверенного государства в процессе освобождения славянских народов от Османской империи и Австро-Венгрии. Будучи славянофилом по убеждениям, Негош в своем поэтическом творчестве связывал вековую борьбу черногорцев против турок с общеславянским движением за независимость и считал при этом, что Россия должна взять на себя функцию лидера в решении славянского вопроса. При этом во взглядах поэта наблюдаются перемены, связанные с событиями 1848 г. в Венгрии и Хорватии, а впоследствии – разочарование, вызванное слабостью славян, причиной которой являлась внутривосточная борьба за власть и неспособность к консолидации, столь необходимой для обретения суверенитета.

Ключевые слова: Петр II Петрович Негош; славянский мир, славянские литературы; Черногория; Россия; австрославизм.

Петр II Петрович Негош является знаковой фигурой не только в истории Черногории, но и славянских народов целом. Пере-

няв славянофильские взгляды своих предшественников, он стремился к реализации идеи единства славян. Такие взгляды Негоша формировалось и трансформировалось под влиянием событий, на которые первая половина XIX века была богата: поэт испытывал как великое воодушевление, так и глубокое разочарование от перспектив славянских народов в европейском государственном сообществе. Это нашло отражение и в его литературном творчестве, в котором славянский вопрос непосредственно затрагивается в ряде произведений.

Возможность развития славянских народов Негош допускал только при условии их независимого существования. Напомним, что в начале XIX в. среди славянских народов фактической независимостью обладала лишь Россия. Поэтому именно ее Негош видел в качестве опоры и защиты интересов других славян, не обладавших государственностью и находящихся под юрисдикцией других держав (Австро-Венгрия, Пруссия, Османская империя). Россия действительно была не просто свободным государством, а мощным политическим субъектом, с мнением которого считались все страны.

Владыка Петр I, предшественник и дядя Петра II Негоша, связывал будущее своей страны только с Россией. Хотя политика императора Александра I по данному вопросу расходилась с его представлениями и надеждами, последний четко осознавал, что Россия является той движущей силой, которая однажды поможет маленькой горной стране добиться официального признания на мировой арене. В таком духе воспитывался молодой Негош, впитавший любовь к России с молоком матери, ибо вся атмосфера, в которой вырос будущий поэт и правитель, была проникнута русофильскими настроениями. Россия стала также одной из первых тем творческого осмысления Негоша: ранние проявления поэтического таланта нашли свое воплощение в эпической «Песне о царице Екатерине II и турецком султани», которая, став популярной среди населения, также популяризировала образ великой России – грозы Османского царства.

Будучи поставленным во главе государства в юном возрасте (Негошу не было 17 лет, когда умер его дядя Петр I), он сразу столкнулся с давними серьезными проблемами черногорского общества – племенным сепаратизмом и борьбой за власть. Чтобы сплотить черногорское общество вокруг себя, Негошу нужно было заявить

о себе как о правителе, получившем от русских благословение на данную позицию. В связи с этим и было принято решение о том, чтобы рукополагался молодой владыка в России. Примечательно, что данной чести стремился также быть удостоенным Петр I Петрович-Негош, однако российские власти не дали на то своего согласия. По этой причине поездка в Россию для выполнения столь почетной миссии возвеличила молодого правителя в глазах своего народа.

Будучи русофилом по своим убеждениям еще до поездки, Негош спустя полгода вернулся из Петербурга в полном восторге от увиденного в столице. Большую роль в этом сыграло то, что его принимали как настоящего правителя независимого государства на самом высоком уровне. И хотя по дороге в Россию Негош останавливался в Триесте и Вене, нигде его появление не вызывало такого внимания, какое ему было оказано высшими правящими кругами Петербурга. Впечатления от российской столицы подтолкнули Негоша к поэтическому творчеству, выходящему за рамки традиций народной поэзии. Он начинает интересоваться российским литературным процессом и творчеством русских поэтов, открывая для себя новые жанры, приемы, стили. Особо его впечатлило творчество Г.Р. Державина, причем не только в поэтическом плане – Негошу была близка идейно концепция просвещенной абсолютистской власти, сформулированные принципы которой содержатся в державинских стихотворениях. Идеи Г.Р. Державина Негош переосмысливает в своем сборнике «Отшельник цетиньский», в котором, помимо прочего, выражены славянофильские взгляды и сформулирована роль России в концепции реализации идеи освобождения славян. Уже в ранних своих произведениях поэт всю заселенную славянами территорию Балкан, находящуюся в границах Османской империи, рассматривает как единую сербскую землю, являющуюся, в свою очередь, составной частью славянского мира, у которого есть защитник и покровитель – царь славян [1, с. 69] – в лице российского императора.

Первая поездка Негоша в Россию способствовала духовному обогащению не только самого поэта, но и его народа, так как в Черногории открылись первые светские школы за счет денежных средств, выделенных российским императором, а в Цетиньском монастыре появилась типография, привезенная из Петербурга. Примечательно, что еще Петр I Петрович Негош мечтал о приобре-

тении для Черногории «двух типографий с гражданским и церковным шрифтами» [2, с. 147] и через командированного им в Россию племянника просил российские власти способствовать положительному решению данного вопроса. Однако ввиду непредвиденных обстоятельств донести данную просьбу до уполномоченных лиц посланнику не удалось.

Открытие упомянутой типографии было значимым и символическим фактом в истории культуры страны: во-первых, это ассоциативно связывалось с возрождением давней, прерванной турецким игом традицией книгопечатания в Черногории, возникшей еще в конце XV века, при правителе Джурдже Черноевиче, который первым среди славян напечатал кириллическую книгу – «Октоих первогласник» в 1494 г. А во-вторых, типография, посредством издаваемых в ней книг и журнала «Грлица» сделала Цетине одним из культурных центров славянства. Помимо собственных книг Негош публиковал здесь труды известных в то время авторов: «Слава черногорская» (Дика црногорска) Симы Милутиновича, «Пословицы» (Пословице), «Сербский букварь» (Српски буквар) и «Сербская грамматика» (Српска граматика) Вука Караджича.

Вторая поездка Негоша в Россию состоялась в 1837 году. Однако в отличие от первой, она носила вынужденный характер и была продиктована обстоятельствами, грозившими отстранением Негоша от светской власти в Черногории. По причине интриг и притязаний на управление страной со стороны председателя черногорского Сената Ивана Ивановича Вукотича и вицепредседателя Матея Вучичевича, Негош был обвинен в растрате выделенных Россией на поддержание народа средств. Дабы прояснить ситуацию лично, он отправляется в Россию. Ввиду серьезности обвинений, а также несогласованности предпринятой поездки, Негош был вынужден долго ждать разрешения на въезд в Россию в Вене, а затем разрешение на въезд в Петербург – в Пскове. И, ожидая в Пскове окончания следствия по вопросу состояния дел в Черногории, он, хотя ему и были оказаны все почести, подобающие его статусу, все-таки чувствовал себя узавленным. Вместе с тем понимал, что причина неприятностей не в подозрительности российского госаппарата, а в притязаниях на власть в Черногории со стороны разного рода «пришельцев», или прохожих, или гостей особого рода, руководимых особенными общими намерениями, появлявшихся и остававшихся на долго или на коротко в Черно-

гории» [3, с. 254]. Примечательно, что в истории горной страны появление самозванцев циклично повторялось со времен Степана Малого, авантюре которого Негош впоследствии посвятил свою драматическую поэму «Самозванец Степан Малый».

Поскольку в Пскове у Негоша появилось много свободного времени, а также учитывая рефлексивный склад ума поэта, он подмечал реалии российской жизни, которые мог там наблюдать. А на тот момент прошло всего лишь около двух недель после похорон Пушкина. Соответственно, провинциальное псковское общество, не избалованное событиями всероссийского масштаба, повсеместно обсуждало смерть великого русского поэта и его пребывание в 1824-1826 гг. в Псковской губернии, куда он был сослан.

Будучи в Пскове, Негош завязал дружеские отношения с местным губернатором Пешуровым, который был знаком с А. С. Пушкиным и искренне восхищался его творчеством. «Известно, что перенос тела Пушкина из Петербурга в Псков происходил в глубокой тайне и под строгим полицейским надзором. Вполне возможно, что Пешуров мог рассказать об этом Негошу» [4, с. 60], с которым вел беседы «в духе, противоречащем официальной политике России» [4, с. 60]. Негошу и ранее доводилось сталкиваться с подобным – еще во время пребывания в Вене, где он «общается с учеными людьми, видит мир, видит массы, взбудораженные идеями Великой французской революции, приобретает книги (на которые австрийская полиция налагает арест) и связывается с движением революционной буржуазии, во главе которого стоит Франция» [5, с. 18]. Поменять политических определений Негоша по отношению к России такого рода разговоры не могли. Однако революционные идеи влияли на поэта таким образом, что он становился ярым сторонником вооруженной борьбы за освобождения южных славян из-под турецкого ярма, что, в свою очередь, противоречило мирным соглашениям между Россией и Турцией.

После окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Россия была сторонницей поддержания добрососедских отношений Черногории с Османской империей, и Негош убедился в том, «что правительство Николая I не будет содействовать официальному признанию независимости его страны. ... Таким образом, за время двадцатилетнего правления Петра II Негоша изменилось его отношение к России и ее политике: от полного повиновения, беспрекословного выполнения указаний петербургского кабинета, до по-

степенного перехода к самостоятельным действиям, поиску новых путей выхода на международную арену» [6, с. 16].

По причине пассивности России на Балканах в 30-е гг. XIX в. Негош ищет соратников среди других славянских народов и находит ее у сербских «уставобранителей» во главе с И. Гарашаниным, стремившимся к созданию единого сербского государства «которое сможет себя сохранить, находясь в поле интересов Австрии и России» [7].

Концепция создания независимого сильного южнославянского государства получила позитивный отклик в душе Негоша еще и потому, что сходные идеи высказывались еще во времена Первого сербского восстания и горячо поддерживались Петром I Петровичем-Негошем. Для ознакомления черногорцев с идеями «Начертания» к ним был отправлен тайный посол Илии Гарашанина, славянофил из Дубровника Матия Бан. Свои впечатления от встреч с Негошем он описал в работе «Данные о Петре II Петровиће-Негоше» (Подаци о Петру II Петровићу Његошу), опубликованной лишь через 33 года после смерти поэта. Данное мемуарное произведение известно тем, что в нем содержится часто цитируемая фраза Негоша о его отношении к России: «Россию люблю, но не люблю, чтобы мне при каждой возможности давали ощутить цену той помощи. Я, государь свободной Черногории, настоящий раб петербургских причуд. Это меня уже замучило, и я хочу сбросить это ярмо» [8, с. 103]. И хотя сам М. Бан парировал Негошу, приводя доводы в пользу российской поддержки, данное высказывание часто приводят как доказательство разочарования Негоша в русской политике. Однако обязательно следует учитывать тот факт, что приведенная фраза является вырванной из контекста. Так, сам М. Бан настаивал на том, что она лишь выражение «уязвленной личной гордости» [8, с. 104].

Идею объединения славян, безусловно, Негош горячо поддерживал, о чем свидетельствуют его письма адресованные Е. Гагичу, Й. Елачичу, И. Гарашанину, Ф. Миклошичу, С. Вразу и др.

В общеславянском движении, охватившем Балканы, Негош действовал решительно – он готов был направить свои войска на помощь хорватскому бану Йосипу Елачичу для подавления революции в Венгрии 1848 г, будучи уверенным, что контрреволюционные действия российского и австрийского правительств носили

защищающий интересы австрийских славян характер. Позднее, осознав, «куда идут славяне в Австрии под предводительством разных лидеров от Елачича, Райича и Шупликаца до Пражского конгресса, начал постепенно разочаровываться. Это разочарование он демонстрировал в своих письмах и заявлениях» [5, с. 41].

Перспективы славян в европейском сообществе представляются Негошу в конце жизни весьма печальными. Крах концепций иллиризма и австрославизма, а также внутривнутриполитическая борьба в Сербии, не способствующая консолидации страны для противостояния Турции, заставляют его прийти к неутешительному выводу, сформулированному в письме «Одному сербу в Триесте»: «Эх, бедные славяне, что бы делала Европа без рабов, если бы не они? ... Если кто-либо хоть сколько-нибудь сомневался, что не рождены славяне для рабства, пусть посмотрит сегодня на их действия. – Может ли быть в мире что-нибудь отвратительнее их слепоты? Я всегда диву даюсь, и никак надивиться не могу, как некоторым людям может быть рабство столь приятно! Они подобны щенку, потому что щенок вырывается в попытках обрести свободу, а когда ее получает, снова бежит к цепям, чтобы его привязали. Вот бы это счастье выпало мне самому и этой горстке народа славянского, и в нашем великом племени истинного вероисповедания освященного людьми – и это бы нашим вековечным за свободу мучениям конец принесло; но напрасно, славяне одинаково к рабству стремятся» [9, с. 172].

Жизнь П.П. Негоша оборвалась на тридцать восьмом году жизни – поэт не дожил до долгожданного признания независимости Черногории, не увидел он и желанного освобождения соседних славянских народов от австрийского и турецкого гнета. За полтора года до смерти Негош составил завещание, которое отправил с сопроводительным письмом Е. Гагичу, русскому консулу в Дубровнике и своему дорогому другу. В письме он просил Гагича: «Если случится, что я умру, прошу копии этого (завещания – Л.Ц.) отправить в Черногорию и Вашему начальству» [10, с. 187], подчеркивая, таким образом, что России он доверяет исполнение своей последней воли, рассчитывая при этом на поддержку братского славянского государства. В завещании среди прочего Негош «наследником своим оставляет Данилу, сына Станко, и своего племянника» [11, с. 199-200], в политике которого в последующем нашли

прямое продолжение идеи поэта-правителя. Он осуществил те замыслы Негоша, которые были тому не под силу: во-первых, Данило провозгласил себя первым светским правителем Черногории; во-вторых, он добился поддержки России и Австрии в вопросе признания независимого статуса Черногории, следствием чего стало разграничение с Турцией и признание ее суверенитета со стороны Османской империи, в-третьих; ему удалось расширить территорию государства за счет присоединения соседних областей; и в-четвертых, князь Данило укрепил собственную власть, придав ей четкий абсолютистский характер. В эпоху правления князя Данило испорченные поначалу отношения с Россией по причине отказа от теократической формы правления и нежелания со стороны восточнославянского государства способствовать признанию независимости Черногории в мировом сообществе постепенно восстановились, причем принцип сотрудничества двух славянских держав стал носить характер братской поддержки и взаимопомощи. И в этом есть большая заслуга Петра II Петровича Негоша, который не только создал предпосылки для достижения политических успехов князя Данило, но и своим литературным творчеством заложил идеологическую основу для формирования принципов построения государства, в котором Не спрашивают, кто как крестится, / а чья кровь ему согревает грудь [12, с. 174], а главной ценностью провозглашается свобода от иностранных интервентов и возможность самостоятельно определять путь развития

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Негош, П.П. Ода на дан рођења сверуског императора Николаја I / П.П. Његош // Собр. соч.: в 7 т. – Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974. – Т.1. – С. 68–72.
- Аншаков Ю.П. Становление черногорского государства и Россия (1798 – 1856 гг). М., 1998.
- Секулић И. Његошу књига дубоке оданости. Подгорица, 1996.
- Мартинович, Н. С. Петр II Петрович Негош в Пскове // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969. С. 59–61.
- Martinović N. Proučavanje Petra II Petrovića Njegoša // Glasnik Narodnog muzeja Crne Gore. 2013. № IX. С. 5–60.
- Вишняков, Я. В. Черногория в балканской политике России 1830 – 1860 годы / Я. В. Вишняков: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Я. В. Вишняков ; РАН, Институт славяноведения и балканистики. – М., 1997. – 20 с.

- Гарашанин, И. Начертаније [Електронни ресурс] / И. Гарашанин // Пројекат Растко: библиотека српске културе на интернету. Историја. – Режим доступа: https://www.rastko.rs/istorija/garasanin_nacertani-je_s.html – Дата доступа: 08.11.2016.
- Бан, М. Подаци о Петру Петровићу Његошу / М. Бан // Мемоарска проза 18. и 19. века / под. ред. Д. Иванић. – Београд: Нолит. – Т. 2. – С. 97-120.
- Његош, П.П. Неком Тршићанину, 20 новембра 1848 г. / П.П. Његош // Собр. соч.: в 7 т.– Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974.– Т. 6, С. 172.
- Његош, П.П. Јеремији Гагићу, 27 маја 1850 г. / П.П. Његош // Собр. соч.: в 7 т.– Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974.– Т. 6, С. 187.
- Лавров П.А. Петр II Петровић Његош владыка черногорский и его литературная деятельность / П.А. Лавров. – М., 1887. 400 с.
- Његош, П.П. Поздрав роду на ново лето / П.П. Његош // Собр. соч.: в 7 т.– Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974.– Т.1.– С. 173 – 175.
- Библиографически списак у сагласности са међународним правилима:
- Martinovich N.S. Peter II Petrovic Njegoshin Pskov. Vremennik Pushkin-skoj komissii, Leningrad, 1966. P. 59 – 60 (in Russ.).
- Martinovich N.S. Prouchavanje Petra II Petrovicha Njegosha. Glasnik Narodnog muzeja Crne Gore. 2013. № IX. P. 5–60.(in Serb.).

Lyudmila S. Tsimanovich

PETAR II PETROVIC-NJEGOS AS A CULTURAL AND POLITICAL FIGURE OF THE SLAVIC WORLD

Resume

This article represents the point of view of the great Serbian poet and ruler of Montenegro Petar II Petrovic Njegos on the struggle of Slavic nations for independence, as well as the role of Russia as a powerful sovereign state in the process of liberation of the Slavic peoples of the Ottoman Empire and Austria-Hungary. Being Slavophile by conviction, Njegos in his poetic works connected the struggle of Montenegrins against the Turks, lasted for centuries, with the common Slavic movement for independence in the Balkans and he considered at the same time that Russia should take a leading role in the issue of Slavic problem. At the same time the views of the poet observed changes related to the events of 1848 in Hungary and Croatia, and later the frustration caused by weakness of the Slavs, cau-

sed by internal political struggle for power and the inability for consolidation, which is the necessary condition for sovereignty.

Key words: Petar II Petrovic Njegos; Slavic world; Slavic literature; Montenegro; Russia; Austro-Slavism.